

Руслан Комадей



Комадей Руслан Максимович родился 28.08.1990 на Камчатке, вырос в Челябинске и Нижнем Тагиле. Воспитанник литературной студии «Мирь» (руководитель Е. Туренко). Закончил филфак УрГУ. Учится в аспирантуре. Публиковался в журналах «Воздух», «Урал», «Транзит-Урал», альманахе «Предчувствие света» (Нижний Тагил, 2007), альманахе «Голос» (Нижний Тагил, 2009). Автор книг стихов «Письма к Марине» (2007, тираж 300 экз.); «Стекло» (2012, тираж 300 экз.). Лауреат I регионального фестиваля литературных объединений «Глубина». Входил в лонг-лист премии «Дебют» (2007, 2008, 2010) в номинации «Поэзия», лонг-лист премии «ЛитератураРентген» (2008, 2010). С 2010 по 2011 г. руководитель нижнетагильской литературной студии «Пульс». Участник АСУП-3. Живет в Екатеринбурге и Нижнем Тагиле.

Филологическая маркировка стихов Р.К.

Традиции, направления, течения: авангард, сюрреализм, обэриуты, модернизм, метаметафоризм, постмодернизм.

Основные имена влияния, переклички: Б. Пастернак, А. Введенский, Б. Поплавский, И. Бродский, В. Соснора, А. Парщиков, В. Кальпиди, Е. Туренко, А. Санников, А. Сальников.

Основные формальные приемы, используемые автором: звукопись, сюрреалистическая образность, интертекстуальность, императивность, динамическая смена точек зрения, ирония, обнажение приема, остранение, автоматическое письмо, катахреза, оксюморон, прямоговорение.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: автобиографизм, урбанистическая образность, Тагил и тагильчане, семья, родственные связи, отец и мать, маслянистость, сад, вода, трава, бумага, железо, дым.

Творческая стратегия: болезненная лирико-авангардная художественная экспликация под-

черкнуто личностных памяти и зрения как противовес энтропии беспамьяства.

Коэффициент присутствия: 0,85

АВТОБИОГРАФИЯ

Никакой классической (мама-папа-сын-собака) семьи у меня никогда не было или почти никогда.

Вероятно, это потому, что с самого младенчества я был заложником так называемого «пинг-понга», когда по очереди жил то с мамой-папой, то с бабушкой, то просто с мамой, то ещё с непойми-кем.

Наверно, моя бабушка и была основателем этого семейного «пинг-понга», потому что после развода с бабушкой в 78 году увезла 11-летнего папу на Камчатку, как бы скрываясь от прошлого в terra incognita. И выбор места был обусловлен, прежде всего, его отдалённостью от Урала: добраться можно только на самолёте. Там, собственно, вырос мой отец, познакомился с матерью, и там же родился я.

Древнейшие же Комадеи (по недоказанной семейной легенде) взялись из античности, чему есть весомый и крайне живучий аргумент: ФАМИЛИЯ.

С детства я знал о каких-то греко-римских корнях и чуял фамильное родство с Моцартом. Но только в университете на паре латинского я перевёл soma dei как «кудри бога», причём оба слова были заимствованы в латинский из древнегреческого, так что некоторая балканская логика во всём этом есть.

Далее, мои предки (по очередной легенде и в памяти моей родни) всплывают только в эпоху Просвещения, где якобы служили неплохими конюхами при дворе Екатерины Великой, которая приобрела их самих на Балканах. Почему кони и почему Екатерина? – неизвестно, но скабрзная история, связанная с Екатериной и лошадьми, добавляет этой легенде интереса.

После Екатерины Комадеев окружали тьма времен и безвестность примерев до революции. В это время часть Комадеев поселилась на Урале, часть – в Беларуси. У моего прадедушки было одиннадцать детей: пять сестёр и шесть братьев. Дед был самым младшим и единственным, кто пошёл в сферу гуманитарную. По своему глубокому убеждению я считаю деда тем человеком, который произвёл сдвиг в нашем генеалогическом древе в сторону людей, постоянно сомневающихся, слабохарактерных, зависимых от женщин и с творческими «придатками».

Бабушка же происходит из семьи работницы Урвалвагонзавода и местного партийного лидера,



Бабушка и дедушка на сцене

который погиб на войне. Она воспитывалась у родителей своего отца, которые умерли, когда ей было 14 лет. Уже тогда она занималась танцами, пением и театром.

Я всегда гордился тем, что бабушка и дедушка у меня актёры, а папа – бывший рокер. Бабушка и дедушка вместе учились в Свердловском театральном училище в начале–середине шестидесятых. Именно тогда там преподавал Анатолий Солоницын, который периодически уезжал на съёмки «Андрея Рублёва». Поэтому уже к подростковому возрасту я начал испытывать пиетет к Тарковскому и, соответственно, к авторскому кинематографу.

При этом и дедушка, и бабушка в дальнейшем ушли из театра: бабушка, выйдя на пенсию, – в театральную педагогику, а дедушка – в юриспруденцию. Но ощущение принадлежности к актёрской семье до сих пор остаётся.

Дурацкие девяностые для моей семьи были действительно дурацкими. Отец бросил музыку (а он был скрипач по образованию) и свою группу «Компостер», которая по тем временам (середина–конец восьмидесятых) была достаточно припанкованной: патлы, серьги, одеяние пещерных людей и песня про общественный туалет. Он занялся бизнесом. Ещё в школе продавал рыбу и шерстяных животных, которых ловил, позже работал в офисе, к сожалению, не помню кем. Знаю только, что к 95-у году он попал в долги. Тогда всю семью откинуло обратно на Урал. Это произошло не сразу: почти полгода мы мотались по России, Беларуси, жили в Москве, разлучались друг с другом, но к концу 95-го вроде бы обосновались в Челябине.

Мои родители были достаточно вздорными людьми: мать была домохозяйкой и томилась от безделья, а отец томился от своих бизнес-планов и объёма работы. В результате: выпивка, истерики. Так в одну из таких обычных истерик, ставшую веховой, мать, когда папа уже уснул, разбудила

меня и сказала: «Вставай, мы возвращаемся на Камчатку».

В итоге, я снова оказался на полуострове. Этот второй приезд я помню гораздо лучше. И потому что был чуть старше, и потому что гораздо страшнее было: мать постоянно пропадала где-то, а её отчим пил. Я занимался тем, что играл во дворе или смотрел телевизор.

Сожалею, но я не воспринимаю Камчатку как родину, потому что не успел к ней привыкнуть из-за постоянных переездов семьи. Каждая такая поездка была похожа на экскурсию, где Камчатка – моя Турция, а я – её турист, который был много раз и ничему не научился. Но я накопил маленькую шкагулку примитивнейших, зато сугубо камчатских воспоминаний: извержение вулкана, которое лицезрел из окна такси, землетрясение, раскачивающее люстры и картины в комнате, Авачинскую бухту в туманной дымке или гейзер, в который я был брошен отцом в целях плавательного образовательного процесса.

Примерно через полгода позвонил папа, и меня увезли обратно на Урал. Мама в этот момент тоже спала. С тех пор я её не видел. Часто становится горько от того, что моя мать не смогла стать мне мамой, не захотела, не успела. Она утонула в 97-м



Отец, мама и я, 1990 г.

«при невыясненных». И сейчас, когда я начинаю думать о ней, я понимаю, что мне приходится её реконструировать или сочинять заново, поэтому в текстах она у меня именно такая, какой я хотел бы её видеть: чуткая и ласковая.

Отец встретил меня на вокзале уже с другой женщиной, и тогда я узнал, что такое «мачеха».

97-й год стал для меня очень важным, как я сейчас понимаю: я научился читать и писать, написал первый стихоподобный текст и прочитал первую книгу. Мои первые книга и текст почему-то были связаны с «Титаником». Возможно, это из-за детской впечатлительности, которая не могла противостоять голливудским спецэффектам.

Мы жили в Челябинске на съёмной квартире. Книги были только в моей комнате: там стояли два шкафа. В одном – полное собрание Толстого, в другом – Ленина. Поэтому первые стихи, которые я прочитал, были стихами Льва Николаевича, оттого у меня с ним сейчас такие ненавистнические и бескомпромиссные отношения.

Отец тогда работал директором винно-водочного отдела некоей фирмы. Мачеха хозяйничала по дому. Надо сказать, что получалось у неё это неплохо. Если бы только не её агрессивность по отношению к моей некоторой заторможенности и посредственной успеваемости – цены бы ей не было.

В 2000-м году отец почему-то опять решил, что надо переезжать. На этот раз во Владивосток. Чем это было вызвано, – не знаю, наверно, очередными долгами. Он отправил нас с мачехой вперёд, а сам остался в Челябинске, сказав, что приедет, когда завершит кое-какие дела в фирме. Через месяц нам позвонили и сказали, что отца не стало. Тоже «при невыясненных».

Таким образом, жизнь моих родителей очень компактно уложилась в девяностые. Подводя сейчас некоторые итоги «жизнедеятельности» своего рода за последние пятьдесят лет, я с ужасом понимаю, что сам являюсь складским помещением для амбиций и проблем своих предков.

Мачеха отвезла меня к бабушке (к маме отца), и больше я её не видел. С двухтысячного года я жил в Тагиле. Учился в гимназии – достаточно средне, но был активистом. Бабушка меня никогда не ограничивала в моих мимолётных увлечениях: сначала минералогией, рисованием, позднее – гитарой. При этом я всё время занимался у неё же в театральной студии и участвовал в большинстве городских конкурсов. Также стоит отметить, что лет в 14 я случайно наткнулся на битлов. Изначально я был поражён их внешней одинаковостью, могуществом перед массами и невероятной хитовостью почти каждой песни.

До этого я слушал исключительно попсу. Но, открыв битлов, я резко отделился от своих одноклассников своей заикленностью на одном и

том же. Это отчасти спровоцировало многочисленные конфликты со сверстниками так же, как и наличие у меня патологического упрямства, ёрничества с элементами трусости и т.д.

С пятого класса меня привлекало такое фанатичное отношение к интересующему меня материалу: голод и его моментальное утоление.

Также было, когда в пятнадцать лет я начал осваивать силлабо-тонику, которая мне позволила писать стихи в огромных количествах.

Но, думаю, если бы не Евгений Туренко, которого я тогда встретил, я бы без зазрения совести пошёл в театральный и был бы по-своему прав. На тот период мне было совершенно неважно, во что поверить: в стихи, актёрскую игру или музыкальную группу. Важно, что именно стихи (с подачи Туренко) стали для меня целью существования тогда, а не способом самовосхваления.

Первые мои другие стихи были посвящены, в основном, физиологическим и низко-бытовым подробностям, но примерно через полгода мне удалось пересилить себя и начать писать нечто более осмысленное: начальная лирика, социальная тематика, какой-никакой юмор. Тогда же Евгений Туренко решил сделать мне книгу. Думаю, не зря, потому что любая книга, наверно, это – колючая проволока за спиной автора. Тем более, эта книга плотно втолкнула меня совершенно в иные круги общения: поэты, редакторы, интересные алкоголики, графоманы. И сейчас, чтобы бросить писать, придётся потратить слишком много усилий, целиком меняя парадигму мышления, общения.

После школы я поступил в университет «на филолога», потому что в Литинститут не взяли. Как бы я ни ругал систему образования, но именно эта системность и помогла воспринять мировое искусство как географическую карту с открытыми и неоткрытыми землями, а не как помойку. За это я ей благодарен. Здесь же, в университете, я познакомился и со своей женой, которая меня приобщила к кинематографу (помимо Тарковского) как к системе и к живописи. Здесь же я начал осваивать музыку, просто слушая её. И сейчас я гораздо больше слушаю музыки и смотрю фильмов, нежели читаю. Наверно, потому что информация так легче воспринимается и потому что пять лет беспрестанного филологического чтения сыграли свою роль.

Перед окончанием университета я остро ощущаю множество провалов в эрудиции: по философии, по богословию, по истории искусства и филологии. Это я сейчас и читаю. А вообще я предпочитаю читать только те книги, которые (предположительно) произведут во мне землетрясение или хотя бы вызовут спазм отвращения (как «Воскресение» Толстого). Поэтому книги я глотаю полностью: с обложкой и отпечатками жирных пальцев.



С бабушкой, 2012 г.

В прозе подобными «подземными толчками» был Достоевский ещё со школы, всегда разный, немного нудный и чрезвычайно откровенный. Ещё: Белый, Маркес, Павич, Платонов, Набоков, Кошко, Салтыков-Щедрин с его Иудушкой и Гоголь (почти весь). Проза действует на меня двояко: с одной стороны, она заполняет все пустоши моего сознания и восприятия, вытесняя предыдущее прочитанное. С другой – позволяет «снимать пенку» в виде циклов стихов или свежих мыслей. Поэзии я читал достаточно много: от греков до современников, но я предпочитаю не вчитываться – утомляет. Гораздо приятнее схватывать удачные строчки и строфы, читая страницы, как будто бегаешь по беговой дорожке.

Больше всего я люблю поэзию девятнадцатого века, особенно Лермонтова и Полонского, Алексея Толстого плюс Козьму Пруткова, Фета, Тютчева. Поскольку КПД многих поэтов девятнадцатого века гораздо ниже, чем у тех же Мандельштама, Бродского, читать их гораздо интереснее. Чувствуешь себя сыщиком. Тем более что поэзия золотого века убаюкивает меня соразмерностью рифмы и ритма, лаконичностью образа. Двадцатый век – ещё слишком близок, а я не люблю, когда стоят над душой.

Нижний Тагил, апрель 2012 г.